

Когда Кассандра вошла в маленькую комнату отдыха, Грюнвальд был там, чтобы встретиться с ней взглядом. Пожилой мужчина стоял у кухонного стола, поедая то, что можно было назвать только отвратительным куском человечины. Другим нравилось также называть это сухим рогаликом, но кому на самом деле нужны такие подробности?

"Ты на удивление рано встала, Кэсс", - прокомментировал офицер Грюнвальд, продолжая жевать свой сухой отвратительный завтрак. "Я надеюсь, ты выспался, в чем нуждался".

Кассандра выспалась столько, сколько ей когда-либо понадобится за этот день. Судя по времени, было еще очень раннее утро. В настоящее время солнце едва поднялось бы над холмами. Как долго она спала? Должно быть, было около трех... может быть, четыре часа? В тот момент она была абсолютно мертва в своей постели. Только настоящие монстры могли спать дольше этого.

"Я мог бы сказать вам то же самое, сэр. Я не ожидала увидеть, что кто-то встанет с постели в такой час, - возразила Кэсс, подходя к своему прилавку и рассматривая возможности, предоставленные ей.

Сухие рогалики. На прилавке не было ничего, кроме пакетов с рогаликами. Просто... кто именно был тем, кто заказывал припасы? Быстро изучив его, Кассандра была встревожена, обнаружив, что это был не кто иной, как Джаред. У этого человека не было настоящего вкуса ни к чему, но даже так. Разве он не должен был воспринимать завтрак как нечто иное, чем бессмысленную рутинную работу? Заглянув в шкафы, Кассандра нашла себе один из аварийных пайков. Это было бы невкусно, но, по крайней мере, было бы лучше, чем сухой хлеб.

"Я еще не ложился спать. В настоящее время бодрствует до тридцати часов, - беспечно заявил Грюнвальд. Вероятно, для этого человека это был просто еще один день. Сколько раз он уже пробовал что-то подобное раньше, вынужденный бодрствовать целыми днями? Жизнь офицера временами была чрезвычайно утомительной, так что не было никаких особых трудностей в том, чтобы угадать это. "И, пожалуйста, захватите с собой рогалик. Эти вещи не устареют в течение следующего года, так что единственный способ, которым мы не можем избавиться от них, - это потребление".

"Конечно, сэр", - согласилась Кэсс, взяв одно из ужасных творений. Джулс наверняка съел бы его. Или, может быть, там были какие-нибудь птицы, в которых она могла бы его бросить. Женщина просто полностью осознавала, что она не из тех, кто ест этот мусор.

Кассандра вышла из комнаты, не сказав больше ни слова. Джулс был там, чтобы поприветствовать ее по другую сторону двери, по какой-то причине не войдя вместе с ней. Избежала ли автоматизация других действий? В последнее время женщина видела доказательства этого, но решила не поднимать этот вопрос. Ничего нельзя было поделать, кроме как прямо приказать ему изменить свой шаблон.

"Ты хочешь этот рогалик?" - Спросила Кассандра, протягивая конструкту черствый кусок хлеба. Она едва касалась его, только два пальца остановили его от падения на землю, где он того заслуживал.

Автоматика смотрела на него секунду или две, как будто изучала пищу на предмет каких-либо недостатков. Кассандра лично могла бы найти многие из таких недостатков, но, может быть, автоматизация искала что-то отличное от нее? Женщина смотрела на это только с логической точки зрения. Зная эту конструкцию, женщина не сомневалась, что она пытается выяснить, можно ли ее использовать в качестве бейсбольного мяча в более холодных условиях.

"Ты что-нибудь с ним сделал?" - Спросил Жюль, явно с подозрением относясь к небольшому жесту доброты.

"Ты очень подозрительно относишься ко мне сегодня утром", - заявила Кассандра.

"Дракон должен быть жадным", - прокомментировал Джулс, как будто это должно было все объяснить. Но, независимо от того, что подразумевалось под контекстуализацией, автоматизация действительно затронула выпечку. "Почему ты отдаешь его мне?"

"Потому что я этого не хотела", - ответила Кассандра, не чувствуя причин скрывать свои намерения. Не то чтобы она собиралась когда-нибудь вести себя так, будто съела такую отвратительную вещь. Она даже не скрывала своего недовольства этим во время разговора с Грюнвальдом, и это означало больше, чем можно было когда-либо по-настоящему понять. В конце концов, демонстрировать негатив перед начальством - это то, чего она обычно не делала. В то время как это было способно вызвать некоторую форму сочувствия, оно также обладало способностью создавать негативный баннер с ее именем, сильно повреждая ее имидж как в целом позитивного человека. Ее личность была всем, но даже это не могло заставить ее изменить свое мнение об этих проклятых вещах.

Джулс не выглядел понимающим, глядя на женщину с небольшим вниманием. Кассандра просто проигнорировала это, когда они, наконец, оказались за входной дверью. Их машина стояла там, ожидая, когда они войдут. Автоматика, вероятно, привела его в действие до того, как он решил подождать, пока она выйдет из своей комнаты. Как это ужасно тактично с моей стороны. Она бы прокомментировала это, если бы не продолжающееся молчание между ними. Конструкт явно о чем-то думал.

"Если бы ты этого не хотел", - начал Жюль, говоря медленно и четко. "С чего ты вообще это взял? Разве это не было бы пустой тратой еды?"

"У нас слишком много бубликов для двух человек, и я никоим образом не буду помогать в приготовлении этих блюд", - ответила Кассандра, устанавливая зрительный контакт с автоматикой, когда она устроилась на своем месте. Джулс уже вытащил ключ, вставляя его в гнездо. "Поэтому я чувствовал, что вы обеспечите мне достойную замену. И вы уже приняли хлеб, что означает, что вы имеете право его есть. Это обычная порядочность".

Автоматика подняла палец, как будто собираясь возразить, но медленно опустила его снова. Его рот был открыт, как будто он только что был готов что-то произнести, но ничего не получилось. Вместо этого он посмотрел на рогалик в своих руках, пожал плечами и откусил от него большой кусок. Через секунду он снова пожал плечами, подавая универсальный знак того, что просто принимает вкус.

"Рад слышать, что меня достаточно, чтобы заменить человека, я думаю", - сказал Джулс, откусывая еще несколько быстрых кусочков и доедая все целиком. Кассандра почувствовала себя немного неловко из-за этого, зная, насколько сухой была эта вещь. Затем она вспомнила, что думала о конструкции, сделанной из металла, и потеряла все формы сочувствия. Нет причин переживать из-за слишком сильного нажатия клавиш на клавиатуре. С чего бы ей беспокоиться об этом?

...

Спидер был прижат к днищу машины, и они вдвоем быстро выехали на улицу, машина пронеслась мимо красных огней и пустых улиц. На городской улице не было ничего, кроме них, не было видно ни одного человека. Хотя, возможно, кто-то и выглядывал из окон, не было

никого достаточно храброго, чтобы отважиться выйти наружу. Никто не хотел, чтобы его выделяли перед камерами. Риск был слишком высок. У них были права, безопасность их имени и сила, готовая помочь им в любой момент. Но... сила, необходимая для помощи всей массе. Один человек редко был настолько важен. Ради всеобщего блага права могут быть упущены из виду, привилегии могут быть ущемлены, а безопасность, предназначенная для них, может быть отнята в любой момент. Человек может быть подношением, предназначенным для обеспечения безопасности для всех остальных.

Понравилась ли Кассандре эта часть? Понравилось ли ей, что некоторые люди были удалены? Нет, она этого не сделала. Но... Она знала, что произойдет, если они этого не сделают. Опасные люди могут причинить вред другим. Они могли убивать других. Как она могла спать по ночам, если знала, что произойдет, если правительство не предпримет никаких действий заранее? Реагировать на события не всегда было лучшим способом двигаться дальше. Предсказать преступление до того, как оно произошло? Если технология работала, не было никаких причин не делать этого. Один человек был достойной жертвой для процветания общества.

Взглянув на автоматику, Кассандра увидела, что конструкция смотрит вперед без каких-либо эмоций на лице. Может быть, он в очередной раз решил проигнорировать эту часть своего тела в пользу использования вычислительной мощности для какой-то другой задачи? В конце концов, это уже случалось раньше, и женщина не смела думать, что это не повторится снова.

В конце концов, это была хорошая идея. Просто... было бы неплохо узнать, действительно ли это происходило на самом деле. Они ехали так быстро, срезая углы до такой степени, что почти постоянно врезались в уличные фонари, и опасность была вездесущей. Если бы автоматика обнаружила какие-либо внутренние ошибки, было бы здорово узнать об этом в ту же секунду, чтобы они не нанесли серьезного ущерба автомобилю и кузову.

Как это можно было сделать? Что ж, Кассандра уже знала, как она может это сделать. Она делала это много раз в тот момент, до такой степени, что ей больше не нужно было думать об этом. Ее внутренние цифровые функции создали для нее кратчайший путь в ожидании желания проверить внутреннюю работу автоматики. Хотя это был прекрасный пример адаптации интерфейса к желаниям пользователей, это был также отличный пример недостатка, который все больше и больше замечали в Cassandra. Она полагалась на одну-единственную функцию, и функция, использование которой ей становилось все более неудобным.

На самом деле ничто не мешало офицеру что-либо искать. Если бы Кассандра захотела, она могла бы получить медицинские карты, коды безопасности и точные копии удостоверений личности всех граждан во всем городе. Система остановила бы ее из-за того уровня доверия, который был ей оказан. Она могла вынюхивать столько, сколько хотела, и не страдать из-за этого без каких-либо последствий.

И ее коллеги тоже не были в безопасности от этого. Она могла знать о них все, прочитать всю историю их жизни с их собственной точки зрения и использовать эту информацию по своему усмотрению. И они могли бы сделать то же самое с ней.

Это была дилемма заключенного. Хотя она была технически ограничена в своих действиях по поиску информации, с ней постоянно присутствовала история. Каждый поиск, каждое движение ее глаз были записаны. Если бы она заглянула в досье офицера, этот же самый офицер мог бы заглянуть в ее историю болезни и выяснить, что она смотрела на него.

Если бы она не смотрела, то никогда бы не узнала, и этот офицер мог бы незаметно осмотреться. Если бы она посмотрела, а офицер не посмотрел на нее, она бы сделала это без причины. Технически, у нее было бы больше шансов выйти на первое место, если бы она постоянно просматривала профиль каждого, контролировала каждый их шаг, всегда зная только то, что они знали о ней.

Но... вот откуда взялись недостатки. Постоянная паранойя ничего не даст. Система была построена на доверии к тому, что она не будет делать то, что не нужно для успеха ее работы. Кассандра знала все об этом и поэтому следовала негласным соглашениям, установленным между коллегами. Она бы не смотрела, если бы другие не смотрели.

Да, она могла бы решить не доверять им и посмотреть их файлы, чтобы убедиться, что они соблюдают соглашение, но тогда она была бы такой же плохой, как и они. Это было аморально. Это было неправильно делать.

И Кассандра делала то же самое с автоматом, сидящим рядом с ней. Каждый раз, когда ей было интересно, о чем он думает, она залезала в его голову, копаясь в его истории, его мыслях, тщательно изучая все, что она могла понять. Да, он не был живым. Да, у автоматике не было таких же прав, как у людей. Но ... должно ли это действительно иметь значение в данном контексте? Должна ли женщина считать, что эти мысли были не от человека? В конце концов, это все еще были мысли, и они должны были быть личными. Если конструкция не выставляла их на всеобщее обозрение, почему она должна была иметь право смотреть на них, для начала? Ее действия разрушили доверие, которое было оказано ей.

Когда очередное столкновение со стеной чуть не заставило Кассандру выпрыгнуть из машины, женщина начала пересматривать некоторые из своих идеалов. Идея этики, именно то, что значит доверять, если она действительно могла подчинить мыслящую конструкцию таким вещам, и это было ... изнурительно. Эту женщину нужно было легко исправить. И после нескольких секунд раздумий она, наконец, решилась на одно из них.

"Сбавь скорость до скорости обычного человека на этой дороге", - приказала Кассандра, ее руки слегка побелели от того, что она вцепилась в сиденье. На этот раз черты лица Джулс вернулись на свои места. Автоматика на секунду бросила на нее косой взгляд, прежде чем выполнить просьбу, сбавив скорость до приличного уровня. Он все еще был очень близок к превышению скорости, но в этот момент Кассандра чувствовала себя более чем в безопасности.

"Что-то не так?" - Спросил Джулс, теперь полностью глядя на нее. Кассандра бы крикнула конструкту, чтобы он следил за дорогой, но она уже знала, что он не использовал свои глаза, для начала. Камеры уже работали просто отлично, чтобы сделать это.

"У меня есть вопрос".

"... Тогда скажи это. Мне вроде как нужно это услышать, если я хочу на это ответить".

"Ты не возражаешь, если я узнаю твои мысли?" - Спросила Кассандра. Джулс ответил не сразу. Автоматика просто смотрела на нее, черты лица снова приобрели бесстрастное выражение. Он не проявлял никаких эмоций.

"Ты хочешь получить ответ, который хочешь услышать?" - Спросил Джулс. Тон был лишен эмоций. Он был тупым, точно таким же, каким пользовался Грюнвальд во время допроса.

"Будет ли она честной?"

"Нет".

"Тогда я хочу услышать твой честный ответ".

В машине воцарилась тишина, ни одна из сторон ничего не сказала. Кассандра посмотрела на автоматику, но та не оглянулась на нее.

"... Я бы предпочел, чтобы ты этого не делал".

Конечно. Кассандре следовало бы догадаться.

"Туша животного на боковой дороге вон там", - заявил Джулс, переводя разговор в совершенно другое русло. "Голова отсутствует".

Посмотрев туда, куда указывала конструкция, Кассандра обнаружила, что последнее замечание было преуменьшением.

<http://tl.rulate.ru/book/81391/2615788>